

Но пес и кошки знают: их черед

Вот-вот придет – получат смачный шмат,
И лакомой похлебки всем нальет

Хозяин, – ибо добр и гороват.

Желать ли благ иных, иных наград?

А после будут слушать батраки

Наказ на завтра: как чинить забор,
Как отвозить на мельницу мешки –

Да чтоб не гнать коня во весь опор.

Проверить, сколь исправно заперт хлев

Хозяюшка поденщикам велит:

Пеструшка не корова – чистый лев!

Ну, чья скотина эдак вот шалит?

Все брык да брык – подойник и пролит!

А после – всех одолевает сон:

Зевнули даже пес и котофей.

Всяк честными трудами изнурен,

И всех зовет в объятия Морфей.

Коптит огарок, воткнутый в бутылъ,

И сонно головнями свищет печь...

Заливши пламя и задув фитиль,

Сельчане отправляются прилечь,

Поспать – и встать заре грядущей встречъ.

Мир дому твоему, о честный друг,

Кормилец добрый наш из года в год!

Пускай же твой усердно пахнет плут,

И сельский труд плоды свои дает

В обилии – как ныне, так и впредь.

Земля! орагаю твоих полей

Здоровую подай вседневно снесь,

И вволю пива пенного налей –

Чтоб жить шотландцам всё дружнее

и веселей!

РОБЕРТ БЕРНС

(1759–1796)

ПРАЗДНИК ВСЕХ СВЯТЫХ

Для резвых фей, для их затей

Настала нынче ночь;

И при луне спешат оне

От Кэслз-Донэнз¹ прочь.

А путь один – туда, в Колин!

Летите, скакуны,

Вперед! И вот – заветный Грот²,

Потоки, валуны...

И что за ночь!

Где меж излучистых берегов

Струится светлый Дун,

Где древле Брюс громил врагов,

Сельчане – стар и юн,

Сходились в доме близ воды –

Искать себе потех:

Рвать кочергу из гряды,

В печи калить орех –

Гадать всю ночь.

Пусть из холста, зато чиста

Одежка у девиц;

Сердца нежны, добры, верны,

И краше нету лиц.

А на лодыжках у парней –

«Любовные подвязки»³;

Один молчит, овцы смиренной,

Другой – девицам сказки

Плетет всю ночь.

Сперва среди капустных гряд –
 Упрятав лица в шапки,
 Не глядя, – ищут наугад
 Прямой и крупной хряпки⁴.
 Умишком хил, от прочих Вилл
 Отбился – ох и прост!
 И кочерыжку подцепил –
 Что поросычий хвост.
 В такую ночь!...

Коль кочешок отменно чист,
 Иль несуразно скрючен –
 Какой несется гам и свист
 Во мглу речных излучин!
 И, хряпку испытав на вкус,
 Кладут её над дверью,
 На поперечный толстый брус –
 По древнему поверью,
 В глухую ночь.

Девицам срок спешить на ток:
 По колоски пора⁵;
 Но хищный Роб подкрался, чтоб
 Живей пошла игра.
 И крепко Робова рука
 Стребла в потемках Нелли,
 И очень скоро с колоска
 Все зернышки слетели:
 Шальная ночь.

Орехов бабкиных запас⁶
 Пускается по кругу:
 Который парень в этот час
 Найдёт свою подругу?
 Иной орех, попав в очаг,
 Лежит с другим на пару;
 Иной же скачет на углях
 И лопается с жару.
 И длится ночь...

Джин два бросает в камелек,
 Гадая о судьбе;
 «Вот это я, а это Джок», –
 Речет она себе.
 Сдаётся, их не различить:
 Калются как один...
 Но – паф! Явил орешек прятать,
 И Джок покинул Джин –
 Испортил ночь.

А Вилл орех калил рядком
 С орешком гордой Мэйли;
 Серчала Мэйли: с дураком
 Крутить амуры – ей ли?
 Орешек Мэйли прыгнул вон,
 Обжег хозяйке ногу;
 И повод Виллом обретен
 Облапить недотрогу
 Хоть в эту ночь.

А Нелл и Роб сидят в углу,
 И сладкий помнят грех;
 С орехом, брошенный в золу,
 И Нелли рада неспроста;
 Неразлучим орех,
 А Роб её украдкой
 Со вкусом чмокает в уста,
 Мечтая сделать сладкой
 Всю эту ночь.

А Меррэн с давних мыслит пор
 Одно лишь: «Эндрю Белл»...
 Тайком идет она во двор,
 И шаг весьма несмел.
 К печи сушильной держит путь...
 Черно в печи от сажи;
 А надобно туда метнуть
 Клубочек синей пряжи⁷
 В такую ночь.

Метнула. Опирая пот,
 Мотаает вновь клубок.
 Застряла нитка, не идёт!
 А зев печи клубок...
 Ужели Белл? А может, бес?
 Иль – угол кирпичача?
 Схватили нитку – жди словес!..
 И Меррэн стрекача
 Дала в ночи.

О крошке Дженни не шутя
 Приносят бабке весть:
 Просилось к зеркалу дитя,
 Чтоб яблочка поесть⁸.
 У бабки в горле дым завяз,
 Роняет бабка трубку,
 И прожигают искры враз
 Новехонькую юбку:
 Срамная ночь!

– Попробуй, внучка: съешь и глянь...
 Не согласишь ни белья⁹!
 Увидишь, маленькая дрянь⁹,
 Паскуднейшего беса!
 И не успеешь молвить «ох» –
 А он присушит глазом;
 Умишко из таких дурах
 Вытаскивает разом
 Он в эту ночь...

– Годков пятнадцать было мне:
 Про Шерамурский бой¹⁰
 В ту пору в нашей стороне
 Слыхал уже любовью.
 Всё лето – ливни, холода;
 Не вызревала розь.
 Но мы как надо и тогда
 Отпраздновали все ж
 Святую ночь.

– А верховодил Роб Мак-Грин¹¹,
 И весел был вначале:
 У Эппи Сим остался сын
 От Роба в Ахмакалле...
 Но сеять семя конопля¹²
 Роб вышел с глупой шуткой –
 И много дней черней земли
 Бродил, с гримасой жуткой,
 И клял ту ночь.

Но чу! Ярится Джеми Флек,
 Образчик забияки.
 – Цихать на конопь! – он изрек: –
 Плевать на ваши враки!
 Старик хозяин из мешка
 Достал ему толику:
 Иди, мол, сей исподтишка –
 Поменьше будет крику
 Стоять в ночи.

Но Джеми, что хватило сил,
 Нарушил тишину;
 А за собою потащил
 Не грабли – борону!
 Бредет, ревет, не глядя вспять:
 – Глядел на коноплю!
 И та придет ее собрать,
 Кого я полюблю –
 На эту ночь!

Он даже пел для куража –
 И вдруг утратил голос.
 И на башке восстал, дрожа,
 У Джеми каждый волос.
 Мерзейший визг, и хрип, и храп
 Услышал олух с тыла...
 И обернулся – и ослаб,
 И рухнул, видя рыла
 Чертей в ночи!

Теперь орясина орет

За страх, а не за совесть!..

На помощь высыпал народ,

И начал Джеми повесть:

«За мной погнался Асмодей,

Чуть не попал в огонь я!..»

Но миг – и сквозь толпу людей

Протрюхала хавронья.

Да что за ночь?

В амбар бежит украдкой Мэг,

Не чая адской кары –

Невыгоден чертям набег

На здешние амбары, –

И наделяет пастушка

Орехами – затем,

Чтоб любопытным дал пинка,

Коль ей в амбаре Тэм

Подарит ночь.

И ловкий поворот ключа

В амбар открыл дорогу;

И Мэг, невнятно бормоча,

Себя уверяет Богу.

Метнулась крыса из угла –

И Мэг вскричала: «Боже!..»

И уж потом себя вела

Святой Агнессы строже

Всю эту ночь.

Шепнули Виллу в ухо: мол,

В стогу твоя подружка...

А там, внутри – ветвистый ствол,

Чтоб шла живее сушка.

Облапил дерево дурак –

И принял за старуху!

И двинул дерево кулак,

Насколь достало духу.

Дурная ночь...

А Лиззи, бойкая вдова,

Шаталась в одиночку,

И от испуга чуть жива

Осталась в эту ночь!

Прошла она и луг, и лог,

Не встретив привидений,

До реки на сумежье трех

Помещичьих владений¹³.

Стуцалась ночь...

И левый омочить рукав

Сбиралась бедолага...

Среди кустарников и трав

Журча, струилась влага,

Звенел недалекий водоскат;

А в роще близ холма

Пичуга тенькала на лад

Приятственный весьма.

Какая ночь!

И в этот мирный уголок,

Луны затмивши лик,

Заблудший дьявол – иль телок –

Злокозненно проник!

Услышав дьявольское «му-у»,

Сказала Лиззи «ой!»

И с плеском плепнулась во тьму –

В речушку головой!

Вот это ночь!

На чистом камне очага

Три плоски встали в ряд¹⁴;

Но сей порядок – ночь долга! –

Стократно изменят.

И дряхлый Джон, полвека жен

Видавший лишь чужих,

Тройной промашкой раздражен,

Рутнул и притих –

На всю-то ночь.

О сколько елось и пилося –
 Не кроху, и не малость!
 О сколько небылиц плелось,
 Дабы прогнать усталость!
 О сколько шуток и проказ!..
 О сколько пылу в плясе!..
 И, клюкнувши в последний раз,
 Уходят восвояси
 Все в эту ночь.

СВЯТАЯ ЯРМАРКА

Он подлость голую скрывал
 Сочувствия нарядом,
 Под коим прятался кинжал –
 Поклепа смочен ядом;
 Средь лицедеев наивящ,
 И гнусен паче меры,
 Он облекался в долгий плащ
 Преистовейшей веры.

«*Лицедерие à la Mode*»

Алел воскресный летний день,
 Я правил близкий путь –
 Проверить, как взошел ячмень,
 Да воздуха глотнуть.
 Вставало солнце – и везде
 Всяк волю дал веселью:
 Зайчишка мчал по борозде,
 И жаворонок трелью
 Восславил день.

Беспечно я глядел вокруг,
 Заботы свергнув с плеч –
 И трех девиц увидел вдруг,
 Несущихся навстречу.
 Две были в траурных плащах,

Но разодета в пух и прах
 Бежала следом третья –
 Воскресный день!

Двух первых счел я за сестер,
 И соутробных тож;
 Им чёт навек улыбку стер
 С костлявых кислых рож;
 А сзади третья: прыг да скок,
 Ни дать ни взять, ягненок!
 Меня окликнул голосок
 Девичий, чист и звонок:
 – Эй! Добрый день!

– День добрый! – молвил я тотчас:
 – Вы что, меня признали?
 Я тоже где-то видел вас,
 Но где – скажу едва ли..
 Лучится взор, и брызжет смех:
 – На мой алтарь ты смог
 Метнуть немало правил тех,
 Что заповедал Бог
 В далекий день!

Ведь я Забава! Лба не хмурь,
 Приятель, видя здесь
 Еще Юродивую Дурь
 И Ханжескую Спесь.
 Я в Мохлин, к Ярмарке Святой
 Намерена попасть;
 Айда за мной! Над сей четой
 Мы посмеемся влать
 В безумный день!

Я рек: – Отлично! По рукам!
 Но в праздничном наряде
 Желаю объявиться там
 Потехи пущей ради!
 И как чумной помчал ломо!

И, словно в бой, пошел с гурьбой,
Тянувшейся по пляху
В урочный день.

Торопят фермеры коней,
Скрипят их колымаги;
И расфуфыренных парней
Дурачатся ватаги;
Девичьи стайки босиком
Бегут: шадят ботинки,
Надев шелка, набив битком
С провизией корзины –
На долгий день.

Велся пожертвований сбор,
И я извлек полушку;
Но поп устоялся в упор –
И шиллинг канул в кружку.
В поту, в пыли – мы все дошли
(До места, не до точки);
И всяк был рад пристроить зад
К скамейке, стулу, бочке –
Нелегкий день!

На случай ливня есть навес
Для знатного народа,
И две-три шлюхи с резвой Джесс¹
Шатаются у входа.
А вон старухи, чьих речей
Убийственна отрава;
И вон кильмарнокских ткачей
Беснуется орава –
Изгадят день.

Та отмолишь спешит грешки,
Презревши кутерьму;
А тот вопит, что башмаки
Замызгали ему;
А одесную село тут
Собрание постных ряшек –

И парни весело зовут
Ошую сесть милашек:
Долгонек день...

И муж поистине блажен²,
Коли девица, иже
Взяла его в любовный плен,
Усядется поближе!
И пусть везде, куда ни глянь –
Блюстители приличий,
Он движет потихоньку длань
На знойный бюст девичий:
О, дивный день!

Молчок, ни звука! Без помех
Должны услышать люди,
Какою мздой грозит за грех
Непогрешимый Муди³.
Когда б диавол, словно встарь,
Проник на землю Божью⁴,
И Муди, худшую из харь,
Узрел – то был бы дрожью
Трясом весь день.

Рыкает Муди, аки лев,
Не жравший третьи сутки;
Бездонный отверзает зев,
Пророчит кары жутки!
Взопрел свиной его пятак,
Но речи брызжут, жарки,
И опаляют сердце – как
Горчиные припарки:
Прегрозный день!

Но чу! Подъемлется судей
Присутствующих ропот:
– Се беспардонный прохиндей, –
Рек их судейский опыт.
Бесстрастный призывает Смит
Склонить немедля выи,

Но люд гурьбою прочь валит –
Пивца глотнуть впервые
За целый день.

О Смит, почто несете гиль
О долге и морали?
Изящен жест, возвышен стиль –
А смысл отколе брали?
Что Аристотель иль Сократ
До Рождества Христова
Провозглашали – вы стократ
Жевать готовы снова.
О дребедень!

А вот и зелье супротив
Отравы в душах posthum:
Заводит Пиблз иной мотив
Перед собраньем пестрым.
О, сколь смирен и просветлён
Толкует он о Боге!
Но Здравый Смысл стремится вон
И мчится по дороге.
О, что за день...

И Миллер, чопорный извне,
Вещать выходит следом –
Хотя в душевной глубине
Считает веру бредом.
За проповедь сию приход
Получит парень разом,
Хотя порой наружу прет
Его несносный разум –
В такой-то день!

А старики бредут тайком
Под милый кров таверны,
Чтоб виски, либо же пивком
Очиститься от скверны.
Клопочет зль, хохочет хмель –
Но речи буйны, грубы:

О вере спортят... О, ужель
Друг другу выбьют зубы
В подобный день?

О хмель, заветных знаний клад,
Каким не учат в школах!
Не зря его урокам рад
И наихудший олух.
Отведай виски, иль вина,
Иль пития иного –
Не пожалеешь! Пьешь до дна –
И сердце петь готово
И ночь, и день.

И молодёжь блаженство здесь
Нашла в беседе кроткой,
Даря душе и телу смесь
Воды медовой с водкой:
Кто расточает говорок,
А кто – внимает речи,
А кто условливает срок
Для следующей встречи
В желанный день.

Ого! Трубы Господней глас!
Он уши всем расквасил.
Крепитесь – грянул судный час:
Глаголет Черный Рассел.
Он держит речь – как держат меч,
Обречь желая смерти;
Он всем подряд пророчит ад –
И мнятся многим черти
Средь бела дня.

Се бездна, прорва, адея,
Где серный ропщет пламень;
Испепеляет пещь сия
Наикрепчайший камень!
Страхнувши в ужасе дрему,
Иной решит: уж ведом

Сей ропот огненный ему –
 Се пущен храп соседом,
 Продрыхшим день.

Но ей-же Богу, мочи несть
 Умножить список бредней...
 О как мы мчали пить и есть,
 Когда умолк последний!
 Прочь от назойливых витий –
 Туда, где хлещут в кружки
 Потоки пенистых пивий!
 Кормите нас, подружки –
 Окончен день!

Вошла сельчанка, мать семьи,
 Дородна и горда;
 И сыр, и хлеб у ней – свои;
 А девушкам – беда...
 Крестьяне спор ведут незлой:
 Молитву скажет кто же? –
 Покуда, шлепу сняв долой,
 Старшой не молвит: «Боже»
 И «даждь нам днесь...»

А коль у вас девицы нет –
 Иль сыра у девицы, –
 Не зарьтесь на чужой обед,
 Уставайтесь в половицы!
 – Хозяйки, сделайте шедрей, –
 Моя вызывает лира: –
 Не унижайте дочерей,
 Скупясь на ломтик сыра
 В подобный день!

Пора домой... Плетется вспять
 Нестойкий богомолец;
 И норовят девицы снять
 Обутки близ околц.
 Младая кровь ярится вновь:
 Любой познал в избытке

Надежду, веру, и любовь,
 И крепкие напитки.
 О, славный день!

Пустивши в ход науку врак,
 И проявивши прыть,
 На верный путь возможет всяк
 Девуцу обрести.
 Горит вечерняя заря,
 Гуляет в жилах пиво...
 Отличный день прошел не зря –
 И кончится счастливо
 Прекрасный день!

ВИДЕНИЕ

Дуан первый

Зима... И солнечный заход.
 С катка гурьбой валит народ.
 А сирый заяц в огорода
 Успел шмыгнуть,
 И снег коварный выдает
 Зайчишкин путь.
 Мне молильный тяжек цеп –
 И я ослаб, а не окреп,
 Себя, доколе день ослеп,
 Отдав труду;
 В утрюмый дом, что в темный склеп,
 Один бреду.

Сел одиноко у огня,
 Поленья влажные кляня:
 Дым каплять вынудил меня,
 Дом затопил;
 И шла крысиная грызня
 Среди стропил.

Я в полумраке и чаду
Своих припомнил череду
Писаний прежних – на беду
Звучащих так,
Что ценит эту ерунду
Любой дурак.

Не слушал доброго совета:
Банкиром стать замест поэта –
В мошне скучала бы монета,
Пока не выну...
Я ничтою сжит со света
Наполовину!

Я буркнул: «Олух! Остолоп!»
И лань устало подняла, чтоб
Поклясться: был я туполоб,
Не знал удач –
Но впредь, пока не лягу в гроб,
Я не рифмач...

И – щелк! Шеколку бечева
Вдрут оттянула – и дрова
Преярко вспыхнули, едва
Открылась дверь;
И объявилась божества,
Иль феи дочерь.

Поверьте, я немедля сник,
И дерзкий прикусил язык;
И обомлел, хоть невелик
Был мой испуг;
А дивной гостью нежный лик
Зарделся вдрут.

Чело венчал зеленый дрок,
В очах мерцал немой упрек:
Шотландская на мой порог
Ступила Муза;

И я решил, что мой зарок
Теперь – обуза.

Сколь славны были и просты
Лица задорного черты!
Она в обитель нищеты
Легко вступала;
Глаза нездепней красоты
Блистали шало.

Плаща откинулась пола,
И мельком явлена была
Нога: стройна, кругла, бела –
Благие боги!
У Джин одной, что мне мила,
Такие ноги!

А длинный плащ, зеленеват,
Играл, притягивая взгляд,
Оттенками на странный лад
Передо мной;
И мнился взору сей наряд
Родной страной.

Вот к морю бег стремит река,
Гора пронзает облака;
Вон у прибрежного песка
Бурлит прибой;
Вон церковь блещет – высока,
Горда собой.

Вон полноводный Дун, а вот
Державный Ирвин вдаль течет;
Вон Эйр, забравшийся под свод
Ветвей лесных;
Ручьям же я утратил счет,
Считая их.

И видел я песчаный дол,
Где древний гордый град расцвел,
Где славный высился престол —

Там испокон
Вменяют мудрости глагол
Себе в закон.

Державный город-господин!
Смешенье зданий и руин!
Там забытый не один

Возрос герой¹,
Что вел ряды лихих дружин
На вражий строй.

И я воссуюл вящий пыл,
И живо я вообразил,
Как всяк без усталости разил,
Рубил плеча —
Южан, предерзостных верзил,
Уму учя.

Страны спаситель², славен будь!..
И Ричардтон³ не трус огнюдь;
И Вождь⁴ — на Сарке ранен в грудь,
Угас потом;
И Принц⁵ — познал изгнанья жуть,
Судьбой ведом.

И призрак пикта-короля⁶,
Чей прах сокрыла там земля,
Блуждает, воинам веля
На бой вставать;
И духи древние в поля
Выводят рать.

А в роще, где журчит ручей⁷,
Где схимник жил бы, ей-же-ей,
Где нежный взгляд родных очей
Встречал бы я —

Гуляет недруг палачей,
Седой судья.

Почтеньем полнясь без конца,
Я зрел на сына и отца⁸:
Они Природы и Творца
Постигли связь;
Один — по праву мудреца,
Другой — молясь.

Стерегший Брайдона смельчак⁹ —
Безвестен, погружен во мрак —
О славе грезил, мыслил: как
Себя вознест?

Теперь о нем уведал всяк:
Герою — честь!

Дуан второй

Я устремлял смятенный взор
На Музу, дочь Небес, в упор;
И думал: мне с давнишних пор
Она — родня;
Добрей заботливых сестер,
Мудрей меня...

— О вдохновенный мной поэт,
Отринь бессмысленный обет!
Ты маешься немало лет,
Но ты не стар!
Награду, коих выше нет,
Получишь в дар.

Великий Гений сей страны¹⁰,
Которому подчинены
Благие духи вышины —
Им несть числа,—
Зналок искусства, и войны,
И ремесла.

Шотландский опекал люд,
Иные духи рать ведут,
Иные поощряют труд;

А от иных

К певцу, родившемуся тут,
Нисходит стих.

Под градом ядер и гранат
Они сердца воспалят.
И патриот, войдя в сенат,

Внимает им,

И честной речи тяжкий млат –
Неотразим.

Дабы поэт или мудрец
В потомстве обрели венец,
Глаголет дух: найди, певец,

Вернейший звук!

Иль шепчет: выправь сей столбец,
О жрец наук.

И Фуллартон писал в пылу,
И Демпстер злу слагал хулу,
И Битти пел богам хвалу,

Как менестрель,

Пуская в скептиков стрелу,
Что била в цель.

Скромнейшим духам отведен
Меньшой разряд людских племен –
Поэт-крестьянин, плотогон,

Столяр, пастух;

Кому не помогает он –
Хранящий дух?

Он тяжкий колос желтых нив
Спасает, бурю отвратив;
Он учит, как провесть полив;
И от вреда –

Коль пастырь добр и не ленив –
Хранит стада.

Влюбленным даст он без помех
Вкусить восторгов и утех;
Поправит пахарю огрех

На борозде;

И позаботится, чтоб смех
Звучал везде.

И если дух окрестных сёл
Меж прочих малышей нашёл
Того, кто певческий глагол

Обрящет впрёдъ,

Дух бережет его от зол
И учит петь.

Я – Койла: фея, коей здесь¹¹
Дано лелеять град и весь,
Где Кэмпбеллы сбивали спесь

С южан-громил;

Избранник давний мой! Доднесь
Ты Музе мил.

Я встарь видала много раз,
Как ты, устави от проказ,
Слагал ряды нестройных фраз
Под струнный звон,
Услышав песню иль рассказ
Былых времен.

Ты на морской стремился брег –
Увидеть волн ревуших бег;
И ты любил мороз и снег,

Когда очаг

Желанней многих внешних нег
И летних благ.

В лутах, с их майских покрывал,
Ты попусту цветов не рвал;

Ты слышал радостный хорал
В любовом лесу;
Как ты впивал, когда был мал,
Весны красу!

Когда серпы срезали рожь,
По вечерам кипел кутеж;
А ты, не враг веселью, все ж
Наедине
Бродил, покинув молодежь,
Внимая мне.

Когда любовь, и с ней – тоску
На юном ты узнал веку,
Давалась трудно языку
Признаний речь;
И я учила, как в строку
Ее облечь.

Тебя порой безумный пыл¹²
В трясины страсти заводил;
Лучам обманчивых светил
Ты шел вослед;
Но светом этим все же был
Небесный свет!

А я учила, как верней
Воспеть любовь простых парней;
Ты славен стал в пределах всей
Моей страны;
И многие из лучших в ней
С тобой дружны.

Я не учу – и ты б не смог
Воспеть, как Томсон, лес и лог;
Возжечь, как Шенстон, огонь тревог¹³
В груди людской;
Излить, как Грей, чей светел слог,
В сердца покой.

Но подле несравненных роз
Цветет и скромный медонос;
И пусть вознес лесной колосс
Ветвей шагер –
Вблизи боярышник возрос,
И тешит взор.

Не сетуй же, и слёз не лей;
И в меру сил – твори смелей;
И верь: ни милость королей,
Ни блеск награды
Не могут песне дать твоей
Желанный лад.

И вот речей моих итог:
Пребудь возвышен, прям и строг;
И верь: коль скоро ты сберег
В душе огонь,
То над тобой хранящий Бог
Простер ладонь.

Носи, поэт! – она рекла¹⁴,
И подарила мне с чела
Венец невянуций – светла,
Добра, проста;
И прочь умчалась – как стрела,
Иль как мечта.

ЖАЛОБА, НАВЕЯННАЯ ЗЛОПОЛУЧНОЙ УЧАСТЬЮ НЕКОЕГО ВЛЮБЛЕННОГО ДРУГА

Луна! Ты светишь с высоты,
И мир почиет без забот;
Но зришь ли бедолагу ты,
Что вдаль бредёт, и слёзы льёт?
Я стражду ночи напролёт,
Мой скорбный нескончаем стон:

Утрата – наихудший гнёт...

Любовь и жизнь – всего лишь сон.

Ты ледяные льёшь лучи

На дальний холм и ближний луг;

Твой серп колеблется в ночи

На зеркалах речных излук...

Уйми, о сердце, горький стук!

О Память, овладай с тоской!

О, где скончанье лютых мук?

Ужель навек ушёл покой?

– Не об измысленной беде ль

Притворно плачется пиит?

– Нет, не аркадская свирель

О мнимых муках говорит!

Обет, исторгнутый навзрыд,

Взаимный пламень... Видит Бог,

Таков – презрен и позабыт –

Любви взаимной был залог!

Как мы впервые обнялись!

Объятий не было нежней.

Как я душой стремился ввысь –

Во славу ей, одной лишь ей!

И вдруг... О сжался, иль добей!

Ушла – как лёд по водам рек!

Ужели стон презрела сей?

Ужель навек ушла, навек?

Ужели сердцем столь черна,

Чужда и чести, и стыда,

Что молвив: буду век верна,

Меня отвергла навсегда?

Увы! Коль горе, иль беда

Заступят ей житейский путь,

Несчастий грянет череда –

Кто их умерит хоть чуть-чуть?

Я мыслил: время, погоди,

Сложи проворные крыла!

И всякий миг в моей груди

Любовь заветная цвела.

Ты выжгла грудь мою догла,

И там – безжизненный простор,

И там – убийственная мгла

С тех самых пор, злосчастных пор!

Рассвет вещает всякий раз:

Мученья новые близки.

И вновь ползёт за часом час

Тягучей, медленной тоски.

И вновь страдать не по-людски,

Сражаться с памятью, доколь

Не сядет солнце – но в виски

Стучит и ночью та же боль!

Утихни, скорбь! Любовь, молчи!

В постель ввергаюсь, точно в ад,

И не смыкаю глаз в ночи,

Когда не спит лишь конокрад.

А коль усну – сто раз подряд

Разлука наша сниться мне;

И дню томительному рад,

Проведши ночь в подобном сне.

Луна! Ясна и высока,

Ты озаряешь окоём;

Сияла так же ты, пока

Бродили с нею мы вдвоём.

В луче серебряном твоём

Струили свет её зрачки...

Былое поросло быльём,

И эти ночи далеки!

Забить восторги тех минут,

Забить, коль скоро не вернёшь,

Забить! Но память тут как тут –

И снова жар, и снова дрожь!

Безрадостный, несчастный – всё ж
Влачу бессмысленные дни.
О, женщины бесцестной ложь,
О, безысходность западни!

ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ ДЖ. ЛАПРЕЙКУ

О Джонни, будь без перерыва
Здоров и счастлив – речь не лжива;
Теперь, когда поспела нива –
Усердно жни,
И пей с устатку вдоволь пива
Во всяки дни.

Да не осмелится Борей
Снести снопы с твоих полей,
Метнуть на вереск и пырей!
Спеши на ток,
И всё до зернышка скорей
Ссыпай в мешок.

О том же и моя забота –
Но ливнем прервана работа,
А мне писать пришла охота
Уже давно.
Авось, дожждётся обмолота
Моё зерно!

Я задолжал тебе, когда ты
В письме без подписи, без даты
Твердил: попы не виноваты,
Умерь-ка пыл –
И адской ругани ушаты
На друга лил.

Да пусть с амвона мелют тиль –
Давай споём о дружбе! Иль

Ты ждёшь – когда, взметая пыль,
Примчит Камена?
Виноторговка да бутылъ –
Вот ей замена.

Я друг тебе, и друг до гроба.
А не мила моя особа –
Давай, дружище, клюкнем оба
Лицом к лицу:
Минутная минует злоба,
Придёт к концу.

Когда окончится страда,
Когда в хлева уйдут стада,
Когда высокая скирда
Украсит двор,
Я загляну к тебе тогда –
Залить раздор.

Любезные Каменам зелья
В разгаре сладкого похмелья
Опять подарят нам веселья
Былых годин...
Не тридцать нам, как мнил досель я –
Двадцать один!

Но снова солнце – в облаках,
И вихри поднимают прах.
Колосья, что стоят в снопах,
Бегу спасти я!
Подписываюсь впопыхах:
Твой Роб-Вития.

ПОСЛАНИЕ К Г-НУ МАК-АДАМУ, ВЛАДЕТЕЛЮ ПОМЕСТЬЯ КРЭЙГЕН-ГИЛЛАН, В ОТВЕТ НА ЛЮБЕЗНОЕ ПИСЬМО, АДРЕСОВАННОЕ МНЕ В НАЧАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МОЕГО ПУТИ

Письмо за чаркою вина
Я прочитал, милорд.
— Глядите, кто признал Певца! —
Я крикнул, рад и горд.
Коль хвалит Крейген-Гиллан сам —
Иду, бесспорно, в гору!
И шлю теперь ко всем чертям
Тупиц убогих свору!
Вы благи родом, и весьма
Сужденья ваши благи;
Хвала высокого ума
Мне придала отваги.

Зоилы, рухните во прах:
Я — Македонский Сэнди!
Стою на собственных ногах —
Доколь не клюкну брэнди.
А коль на званный ужин вдруг
Донесть не могут ноги,
Ячменный хлеб жую, и лук,
Присевши у дороги...

Продли Господь на много лет
Благополучье ваше
И дочек ваших, коих нет,
Мне говорили, краше!
А ваш наследник молодой —
Скажу, не привирая, —
Седой украшен бородой,
Составит гордость края.

ДЕВИЦА МЭГ

Девушка Мэг решила прясть
Под вересковым под кустом;
А Дункан Дэвисон за ней
В пылу пустился озорном —
Чтоб честию честь рядком присесть,
И побеседовать ладком.
Но пареньку пробить башку
Грозится Мэг веретенком.
Они сам-друг бегут на луг,
Там речка блещет серебром;
И молвит Мэг, ступив на брег:
— Любезнейший, отстань добром!
Клянётся Дункан: «Всё равно
Стоять нам завтра под венцом!»
И в воду Мэг веретено
Метнула, сжалась над юнцом.
«Гляди, красotka, веселей:
Мы сладим дом, уютный дом.
По-королевски там, ей-ей,
Вдвоём с тобою заживём!»
Коль в битве смел — пребудешь цел,
Коль не хром — не свалит ром,
А коль целуешь от души —
Лететь не будешь кувырком.

НА ПОСЕЩЕНИЕ ПОЛУАЗРУШЕННОГО КОРОЛЕВСКОГО ДВОРЦА В СТИРЛИНГЕ

Великих Стюартов смели
С престола их родной земли.
Дворец их нынче — тлен и прах,
И скипетр их — в чужих руках.
В могиле Стюарты лежат...
И нами столько лет подряд

Подлейший помыкает сброд,
А на престоле – идиот!
Чем лучше знаешь эту дрянь,
Тем крепче изрыгаешь брань.

МОХЛИНСКАЯ СВАДЬБА (Отрывок)

1

Был восемьдесят пятый год,
А месяц был восьмой –
Когда обломный ливень льет
И гонит нас домой.
Тут Миллер, всем купцам купец, –
Не ровня голятьбе! –
Решил жениться, наконец,
На деньгах Нэнси Б. –
Назначен день!

2

Почит мирный Блэксайдин,
Светлеет свод небес...
Но, вставши враз, уж битый час
Хлопочут Нелл и Бэсс!
Горяч уют – везде вокруг
Разбросано белье...
Но Муза молвит: «Здесь, мой друг,
Уйми перо свое
В подобный день!»

3

Напишем так: расстегнут лиф,
Распущены шнуры...
Ох, чувствую стыда прилив,
И смолкну до поры.

А впрочем, нет! К чему корсет,
Коль талия тонка?
Я буду смел: и Бэсс, и Нелл –

.....
[Не записал последних строк вовремя,
а нынче подводит память. – Бернс.]

4

Чепец порхнул на ближний стул,
А сброшенный халат
У белых ног девичьих лег...
Но мне молчать велят!
Хотел бы грудь упомянуть –
Увы, боюсь беды,
Мирской хулы! Но сколь белы
Мощнейшие зады
Нежнейших дев!

5

Пусть кучер пьян – да прям и строг:
Ему девиц везти.
Одно скажу: помилуй Бог
Обеих по пути!
Поедет с ними Джонни Трот –
Достойнейший старик:
И в рот спиртного не берет,
И пудрит свой парик
Он что ни день <...>.